

Часть II

Продолжение исследования о. Березань в советское время

Глава 1. а / Раскопки 1927 г.

Весною 1924 г. пишущему эти строки после девятилетнего отрыва от места своих старых работ, в связи с бурными событиями эпохи между 1913 и 1924 гг. пришлось вновь посетить *остров*¹ Березань в качестве руководителя большой экскурсии на *этот* остров из рабочих *Одесского* завода им. Розы Люксембург и частей *войск* Очаковского гарнизона. *При этом нам сопутствовал геолог В.И. Крокос.* К большому нашему удивлению, *несмотря на все развернувшиеся за протекшее время события мирового значения, затронувшие, конечно, и наш остров, мы заста-ли на нем место наших раскопок* в полнейшей, *можно сказать* сохранности, почти таким, каким мы его покинули в 1913 г. *Мало того, как раз именно то обстоятельство, которое в 1913 г. помешало нам развернуть раскоп В⁸ (1909 г.) вглубь острова: нахождение вокруг него рельсовых путей, сараев, складов вместе с грудями строительного материала, леса, досок и т.п., послужило для раскопа В⁸, 1909 года, раскопанного под моим непосредственным наблюдением и мною же тщательно зафиксированного планографически и текстуально в веденном тогда дневнике, надежным прикрытием и защитой от случайных разрушений вплоть до того момента, когда пожар мировой и гражданской войны не охватил и этих складов, погибших тогда в огне...* Теперь среди бурьяна и колоссального количества материальных следов империалистической и гражданской войны, в том числе и немало-го числа неразорвавшихся снарядов, лежала чистая почти площадь раскопа В⁸ 1909 и 1913 г., на которой *в соответствии с вычерченным в свое время* планом ясно различимые были все раскопанные тогда культурные ямы и следы фундаментов стен, как будто приглашая исследователя к продолжению *своих прежних* работ с того самого места, на котором они оборвались в 1913 г.

В этом смысле нами *тогда же, немедленно по посещению острова,* и был представлен в *Укрнауку в Харьков, где тогда находился политико-административный центр Украины, операционный* план дальнейших работ на острове вместе со сметой расходов, в результате чего, *через три года,* в 1927 году нами получены были из Харькова кредиты на *производство* раскопок на острове Березани, для начала *весьма ограниченные, мало соответствовавшие условиям производства* работ на необитаемом острове, с извещением о том, что *пишущему эти строки* поручается сформировать соответствующую экспедицию.

Чтобы не получилось положения, при котором развертывание и сворачивание экспедиции могло поглотить основную часть незначительных ассигнований на экспедицию, после чего врядли можно было-бы получить такие результаты раскопок, которые показали бы, что может еще дать Березань, чтобы можно было рассчитывать на надлежащий разворот работ *в последующие годы,* необходимо было, конечно, приложить все мыслимые усилия к тому, чтобы ни одна копейка из ассигнованных на раскопки сумм и ни один день из запланированного на раскопки крайне ограниченного времени, не пропал даром.

¹ Прим. А.Н. Колесниченко: курсивом выделен текст, который был вписан рукой М.Ф. Болтенко в машинописную рукопись.

Первым моментом в этом направлении мы сочли рациональный выбор времени для раскопок. В условиях Северного Причерноморья начало лета – июнь месяц и начало июля – является временем максимального выпадения атмосферных осадков в виде бурных и стремительных ливней, когда за один месяц выпадает почти вся сумма годовых атмосферных осадков по данной местности: раскопки Штерна Э.Р. на Березани, которые, кроме кампаний 1904 и 1913 годов, обычно занимали июнь месяц по старому стилю, теряли на этом очень много времени и денег. Поэтому, временем отбытия экспедиции на остров назначено было мною 31 июля, причем планировалась ровно неделя работ, с тем чтобы участникам ее вместе со мной 8 августа быть в Ольвии для участия там, в раскопках под руководством Б.В. Фармаковского. Средств, отпущенных на березанские раскопки 1927 года, на более длительную продолжительность работ ни при каких прочих условиях не хватило бы. Действительность подтвердила правильность нашего расчета и за все намеченное нами время нашего пребывания на острове, там не было ни одного дождя, который помешал бы работам.

Вторым важным моментом при организации первой советской экспедиции на остров Березань был вопрос о кадрах работников. В экспедиции с такими материальными предпосылками, как наша, никак не приходилось рассчитывать на некавалифицированную рабочую силу, идущую работать исключительно ради заработка, безотносительно к содержанию работы. В квалифицированной части необходима была строгая дифференциация функций. Ехать на необитаемый остров без специального постоянного фотографа и чертежника, как это бывало обычным в экспедициях Э.Р. Штерна, мы считали невозможным. Поэтому в качестве фотографа был привлечен мною к участию в работах экспедиции студент фотокинотехникума в Одессе, где я тогда преподавал, Т. Топчий, а в качестве чертежника и иллюстратора работ экспедиции мною приглашен был художник Павел Каллиникович Коваль, впоследствии погибший смертью храбрых в 1941 году в Великую Отечественную войну при обороне Одессы. Хозяйственные функции взяла на себя моя жена Евгения Филипповна Болтенко. Кроме этих лиц для непосредственной помощи Начальнику экспедиции были включены еще в состав экспедиции – молодой научный сотрудник Одесского Историко-Археологического Музея Эммануил Григорьевич Оксман и один энтузиаст-учащийся средней школы из Одессы Николай Семенович (тогда просто «Коля») Абрамов.

В дополнение к этому основному крепкому ядру экспедиции в шесть человек, прибывшему из Одессы, в Очакове при содействии учителя Очаковской средней школы Ивана Андреевича Гайчука набрано было в качестве рабочих-землекопов 15 учеников этой школы.

Таким образом, ведущее ядро экспедиции сравнительно с экспедициями Э.Р. Штерна было удвоено количественно и дифференциально качественно, рабочая масса «землекопы» сокращена количественно вдвое, но, позволяем себе думать, стояла несравненно выше в качественном отношении, конечно не в отношении своей физической силы, а морально своей сознательностью, заинтересованностью ходом и научными результатами производимой работы.

Для избежания возможности недосмотра мелких находок при работе лопатой, введена была железная сетка в деревянной рамке, так называемый «грохот» для просева земли и отбора при этом таких находок, как бусы, монеты и прочее, чего при раскопках Штерна обычно не применялось (рис. 1).

Рис. 1. (№ 51 по описи фотоснимков) Березань 06.08.1927 г.
 Работа на кв. 1–3. просев через грохот. М.Ф. Болтенко стоит слева на части камней 1913 г.
 Справа отчетливо видны прослойки во врезе почти под камнями.
 На заднем плане просев через большой грохот земли с другого квадрата.

К сожалению, обеспечить раскопки наши в 1927 г. вагонетками и рельсами для отвоза *накапливаемой в ходе работ* земли не удалось, но в виду малой продолжительности работ тормозом для них на этот год это еще не могло послужить.

Не менее важным был выбор места раскопок и организация самого процесса. Результат обследования места раскопок, личное наше лучшее *непосредственное* знакомство с раскопом В⁸ 1909 и 1913 гг., который нами в *свое время лично* велся, отсутствие у нас *под руками* в 1927 г. документации раскопок Э.Р. Штерна, кроме того, что опубликовано было в печати и что нас, как видно из нашего изложения *данных* о раскопках Э.Р. Штерна, далеко не могло удовлетворять, наконец, бесспорное исключительное значение раскопа В⁸, признанное за ним и самим Штерном еще в 1909 г., учитывая раскрытие там далеко недоисследованного еще до конца строительного комплекса с центральным каменным сооружением в 15 рядов камней и дверным и оконными отверстиями, все это, учитывая относительную сохранность места раскопок, не оставляло никаких сомнений *в том*, что надо продолжать раскоп В⁸, не теряя время на не оправдывающие себя усилия по распознаванию места раскопа А¹ и его границ.

Для нас лично доисследование этого участка *представлялось* особенно важным, принимая во внимание коренное расхождение наше с Э.Р. Штерном в расценке *значения здесь* культурных остатков римского времени, обративших на себя наше внимание на раскопе В⁸ еще в 1909 г., а в 1913 г. *не только* усилившихся здесь, но и распространившихся и на раскоп А¹ *последнего* года. Э.Р. Штерн начал копать Бере-

заны в 1904 г. не от берега моря широкою полосой вглубь острова, как это правильно сделал *до него* Г.Л. Скадовский в 1900 г. с архаическим некрополем *на западе острова* и для чего и у Штерна была прекрасная отправная точка на раскопе 1902 г. на Северном берегу острова в достаточном отдалении от турецкого вала со рвом у Северо-Восточной бухты острова. С этого раскопа ему удобнее всего было распространяться во все стороны вглубь острова и в том числе, наступая и на турецкое укрепление и пристань, без исследования которых археологическое изучение Березани *нельзя было бы, конечно, считать законченным*. Э.Р. Штерн поступил *обратно* этому, начав копать непосредственно с Запада в соседстве с турецким валом и рвом и, благодаря этому, оказался почти на 6 лет работ дезориентированным в вопросах подлинной Березанской стратиграфии, приняв за нее, *как это позднее выяснили наши раскопки 1929 г.* то, что осталось от нее после срытия турками за 117 лет до него верхних культурных слоев на широкой площади, которую он раскапывал с 1904 по 1909 год, думая, что это настоящая Березанская стратиграфия и оказавшись, благодаря этому неспособным понять находки позднейших эпох на раскопе В⁸ в 1909 г. и особенно в 1913 г., наконец в 1913 г. и на раскопе А¹, хотя уже в 1909 г. (дал совершенно правильное и трезвое объяснение нахождению им в 1909 г. – ред. было вычеркнуто из текста) на раскопе А¹ *было найдено* в ряд одиннадцать человеческих черепов (некоторые *из них* без нижних челюстей) на глубине 0,18 м от поверхности, *что нами теперь объясняется* тем, что это черепа тех скелетов, могилы которых оказались потревоженными турками при их работах по сооружению вала и рва. Последних выводов из этого и увязки этого с римскими вещами на раскопе В⁸ 1909 и 1913 гг. и на раскопе А¹ 1913 г. он не сумел и не захотел сделать, а для выхода из трудностей принял теорию запустения Березани с превращения ее из полуострова в остров в V веке до н.э., чего не знает геология, *труды наших выдающихся геологов Синцова и Соколова, последнему из которых, принадлежит труд, специально посвященный острову Березани, им совсем не учитывались. А попадавшиеся находки из позднейших эпох признавались не имеющими никакого значения, черепа же эти приписал он запорожцам, казненным турками...* Мы поставили себе первой задачей работ на острове в 1927 г. *выяснить характер верхнего из античных культурных слоев, слоя римской эпохи, если бы таковой действительно оказался тут в результате новых раскопок, а затем, наряду с этим, проследить по возможности для дальнейших раскопок продолжение стен из системы строений, обнаруженных тут впервые при раскопках 1909 и 1913 гг.*

В практическом проведении этих задач мы отказались от дальнейшего раскапывания Березани площадями неопределенных и неодинаковых размеров и формы «кварталами», полосами и траншеями, на которых работа производилась выстроенными в шеренгу рабочими-землекопами «перевалом», что имело место и у Г.Л. Скадовского и у Э.Р. Штерна, а взяли в притык с юга к раскопу В⁸ 1909 и 1913 гг., прямоугольную площадь, разбитую на 16 квадратов в 25 кв. м каждый, в общей сложности до 320 кв. м.

Основной стержень наших раскопок падал на площадь, примыкавшую к тому месту раскопок 1909 и 1913 гг., где был открыт «гвоздь» раскопок на острове за все годы – домик с оконными и дверными отверстиями и кладкой камней, сохранившегося до высоты в 2,93–2,85 м и где в то же время впервые за все время систематических раскопок на Березани с 1904 по 1909 гг. оказались сосредоточенными более или менее значительные культурные остатки римского времени вокруг оставленной

Э.Р. Штерном совершенно без внимания в своих «Отчетах» за 1909 и 1913 гг., открытой нами в 1909 г. и зафиксированной и в дневнике и на плане позднейшей кладки XVIII.

Однако, учитывая крайнюю ограниченность имевшихся в нашем распоряжении времени и средств, пришлось пойти на ориентировку всего нашего прямоугольного раскопа и отдельных квадратов в нем не по сторонам света, а по направлению открытых в предыдущие годы кладок. Так как за 5–7 дней при наличных силах и технических возможностях полностью раскопать и исследовать всю отмеренную и разбитую на квадраты прямоугольную площадь, конечно, не было никакой возможности, нами применена была раскопка этой площади система раскопки по выборочному методу отдельных квадратов в шахматном порядке, что позволило сразу же сосредоточить все внимание на определенных участках исследуемой площади, ориентируясь на результаты предыдущих раскопок на смежных участках.

Результаты раскопок, как будто, полностью себя оправдали и подтвердили правильность принятого нами применительно к конкретным условиям и обстановке плана.

Раскопки установили частично значительную попорченность, а частично и полное уничтожение верхнего культурного античного слоя военно-инженерными работами на острове 1912 г. и военными событиями периода 1914–1920 гг. с одной стороны, с другой бедными впускными погребениями давних, хотя и послеантичных, времен.

Таких погребений на всей площади наших раскопок 1927 г. (все с ориентацией головами на Запад) нами открыто было 4. Из них два костяка в вытянутом на спине положении (один в ограде из поставленных на ребро каменных плиток разной формы и величины (рис. 2), а два в скорченном, как будто с признаками насильственной смерти. Все эти погребения залегали очень неглубоко под дневной поверхностью (от 0,30 до 0,50 м), не сопровождались никакими вещами, но все они врезались в верхний античный культурный слой, используя камни из него для ограждения своих мертвецов или подкладывания им под голову.

Рис. 2. (№ 13 по описи фотоснимков) Березань 04.08.1927 г. Костяк № 1 (в гробнице кв. 6, 7 и 12). Фото снято: на фотоснимке запись – с севера на запад, в описи фотоснимков с севера на юг.

На квадратах №№ 2, 1, 7, 5, 11 и 12 и частично на №№ 14 и 16 на глубине 18–28 см, в зависимости от неодинаковости разрушения верхних наслоений в период 1912–20 гг. обнаружена была площадь, вымощенная камнями в один ряд, в среднем толщиной в 0,14 м, на которой, главным образом на кв. № 5, обнаружено было *in situ* множество разнообразных культурных остатков римского времени, главным образом, II–III вв. н.э.: обломки толстостенных реберчатых пифосов с горизонтальными каннелюрами на боковых стенках, узкогорлых амфор, светлоглиняной тонкостенной посуды римского времени, краснолаковой (между прочим тарелок), обломки римского прозрачного выдувного стекла (эйнохи, чашки, высокие штофы с отвесными боками), низ прекрасного бокала специфической формы, техники и стиля, украшенного цветными молочно-белыми и темно-синими «змеевидными нитями» своими причудливыми, но изящными извивами, напоминающие арабские «арабески», что в классической форме характеризует продукцию фабрик римского стекла в Colonia Agrippina (ныне Кельн) на Рейне II в. н.э. (III-й век представляет собой уже утрату изящества в этих извивах²).

На этой же вымостке найдены были нами две ольвийские монеты с головами Аполлона (II в. до н.э.) и штампами на одной «А», на другой «В», на обороте одной из них можно рассмотреть орла, терзающего в своих когтях рыбу. Встречались тут и фрагменты черепичного карниза и куски сырца с остатками рельефного украшения, также как кое-какие тесанные камни, которые очевидно не принадлежали к залежавшей подо всем этим мизерной вымостке, а свалились (один разбил амфору, возле которого лежал шип осетра).

У производителя раскопок к 1927 г. сложилось глубокое убеждение, что весь ансамбль находок, включая и находки 1902, 1909, и 1913 годов на соседней площади, хотя ни в какой мере не опровергает посещения Березани Ольвийскими магистратами (архонтами и стратегами) во II–III вв. н.э. для установления здесь посвятительных надписей в честь Ахилла Понтарха, тем более посещения Березани рыбаками (хотя бы только что отмеченный шип осетра, не единственный) при том не только ольвийскими, но скорее даже не ольвийскими, чем Ольвийскими, но говорит о, несомненно, длительном, если не постоянном проживании на Березани людей в эти века, при том людей, по своему жизненному уровню, бывших в состоянии пользоваться в своем быту такими предметами, которые вряд ли могли быть у нас в Причерноморье в широком употреблении как, *например*, прекрасное привозное стекло из Сидона, найденное в раскопках 1902 г. или, наконец, из колонии Агриппины в раскопках 1927 г. Сюда же надо отнести и золото из находок 1902 г. и детские погребения, открытые дальше к Западу в 1896 г. Б.В. Фармаковским и строительные остатки, открытые тут нами в 1909 и 1927 гг.

На других затронутых нашими раскопками 1927 г. квадратах нашей сетки римского времени встречались на соответствующей глубине до 0,40 м от поверхности, причем без вымостки...

² Эта находка представляет собою первый случай такого рода во всем Причерноморье и второй для всего Римского Востока. В книге А. Kisa "Das Glas im Altertume" Ш. Лейпциг, 1908 г., стр. 908 отмечена всего лишь одна находка стекла такого рода на острове Кипр, так как на Востоке безраздельно господствовало финикийское стекло. Проникновение сюда во II в. н.э. продукции далекого Запада римской империи свидетельствует о функционировании в пору римской империи рейнско-дунайского пути, связывавшего римскую Галлию с нашим Северным Причерноморьем.

Относительно этой мизерной вымостки нам бросилось в глаза ее удивительное сходство с аналогичной вымосткой в Ольвии, которая Б.В. Фармаковским при раскопках 1926 г. датировалась эпохой Митридата, связи которого с Ольвией в эпоху его северо-черноморских предприятий уже давно обратили на себя внимание в научной литературе. Учитывая датировку сидонского стекла с рельефной надписью из раскопок 1902 г. по соседству временем не раньше II века до н.э. с одной стороны³, наличие самой древней из безошибочно датированных находок римского времени серебряной монеты Веспасиана с раскопа А¹ 1913 г., т.к. из эпохи, непосредственно следующей за походом в Таврию в 63 г.н.э. наместника Нижней Мисии Тиберия Плавтия Сильвана, можно допустить возникновение вымостки в эпоху – Митридата, т.е. не раньше последнего десятилетия II-го в. до н.э., но эпоха Митридата и Диофанта является в то же время и эпохой господствовавших над Ольвией Скилура и Палака, эпохой, когда Посидей Посидеев, находясь на службе у Скилура и Палака, царствовавших в раскопанном *позднее* проф. П.Н. Шульцем (*рядом с современным Симферополем*) Неаполе Скифском в Крыму, предпринимал морскую экспедицию на освобождение от пиратов-сарсархов священного острова Левки (*ныне Змеиный или Фидониси*) в открытом море неподалеку от Дунайских устьев, когда эти движения, а в особенности связи с Ольвией Митридата, обминуть Березани никак не могли. Чем же объяснить то, что на вымостке «эпохи Митридата» мы имеем не соответствующий времени и месту слой конца II – начала I в. до н.э., а римский слой, начинающийся с середины I в. н.э., т.е. на 100 с лишним лет позже этой даты... Секрет этого, *по-видимому*, в той общей депрессии, которая постигла местную жизнь Северного Причерноморья к I-му веку до н.э. и в самом I веке в связи с разгромом Неаполя Скифского *полководцем Митридата Евпатора* Диофантом еще в конце II века, а затем разгромом Ольвии гетами *Бур(е)висты* к середине I в. до н.э. С середины I-го века до н.э. и по середину I в. н.э. включительно, некому и не с кем было сноситься через остров Березань.

Дело изменилось только с восстановлением Ольвии по инициативе скифов после гетского разгрома и восстановлением самого Неаполя Скифского после Диофантова разгрома, что вырисовывается к середине I в.н.э. и в значительной мере, надо думать, стимулирует самый поход Тиберия Плавтия Сильвана в 63 г. н.э. Тогда

³ Прим. А.Н. Колесниченко: Фрагмент стеклянного сосуда (инв. ОАМ № 51964; Сорокина 1962: 231, рис. 15, 2) найден в результате пробных раскопок на о. Березань (1902 г.) на северо-западе от раскопок Г.Л. Скадовского, в пункте № 3 (яме). Из отчета Э.Р. Штерна: «В верхних слоях среди массы золы и костей животных найдены были: бронзовый ключ от замка «системы поворота язычка» (Dreh Schloss), бронзовая цепочка, фрагмент простоглиняной посуды, пара золотых серег превосходной сохранности, представляющих трубочки из свороченного листового золота, к которым приделаны крючки и петли из золотой проволоки. Немного ниже оказались фрагменты чаши с выдавленной надписью; сохранилась часть с буквами ФРАΙΝΟΥ...» По особенностям написания букв Э.Р. Штерн предположил, что сосуд датируется не ранее начала II века до Р.Х. (Штерн 1904: 99) М.Ф. Болтенко внимательно изучив отчет Э.Р. Штерна отметил, что в 1902 г. раскопки проводились на северо-востоке (т.к. «на северо-западе ничего кроме моря нет») от раскопок Г.Л. Скадовского или на юго-западе от раскопа В⁸ (1909–1913 гг.) (НА ОАМ ф. М.Ф. Болтенко. М.Ф. Болтенко «Работы на Березани Э.Р. Штерна 1902–1913 гг. (Еще разведка. Экскурсия 1902 г.)»). К сожалению, сведения о других обнаруженных артефактах в современной документации отсутствуют.

По аналогиям надпись на чашах восстанавливается так: ΣΥΦΡΑΙΝΟΥ/ΣΦΩ/ΠΑΡΣΙ – «Радуйся, пока существуешь!» (Кунина 1968: 225). Производство таких чаш исследователи относят ко времени с начала по третью четверть I в. н.э. (Harden 1944–45: 88; Кунина 1968: 225; Stern 1995: 97).

возникают условия для отложения на вымостку митридатовой эпохи культурного слоя, теперь римского...

На грани со следующим желтоватым слоем VI в. до н.э. обнаружены были обломки серой тонкостенной посуды, несколько обломков амфорных горл с энглифическими клеймами IV–III вв. до н.э., подобные которым отмечены уже в «отчете» Штерна по раскопу В⁸ 1913 г., наконец, впервые для Березани – край краснофигурной крышки от леканы с рисунком в беглом стиле, ведущий нас в ту эпоху, что и горла с энглифическими клеймами...(рис. 3).

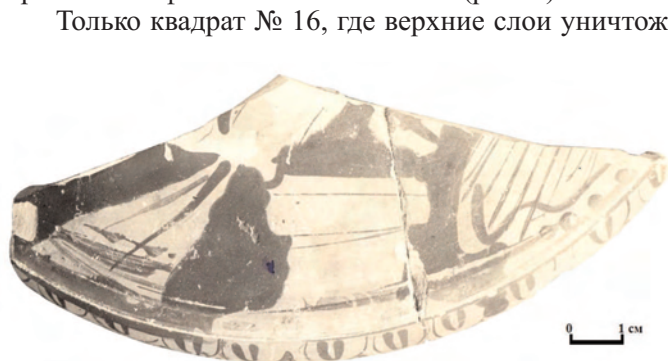

Рис. 3. Крышка леканы. (№ 563 – по описи находок Березанской археологической экспедиции 1927 г. Раскоп В⁸ / НА ОАМ НАНУ. инв. № 59234).

Только квадрат № 16, где верхние слои уничтожены были в 1912–1920 гг. стал сразу же давать материал конца VI и начала V вв. до н.э., характерный для предшествующих раскопок Березани по совершенно аналогичным причинам: что там сделано было турками в 1787 году для сооружения на соседней площади вала, то здесь было сделано нашими соотечественниками в 1912 г. для прокладки рельсового пути изнутри острова к берегу.

Здесь нужно, прежде всего, отметить фрагменты стенок архаического краснофигурного скифоса с маскою бородатого Диониса с применением накладной пурпурной краски и почти целиком составивший мелко-чернофигурный килик, не говоря о более мелких фрагментах черно-фигурной аттической посуды и ниже родосско-понтийской, самосской, коринфской и навкратийской (рис. 4–5). Вместе с тем найдены были в достаточном количестве и черепки серой лепной с налипными валиками туземной посуды, обычно называемой «скифской». Вместе с тем найдена была здесь одна плоская листовидно-овальная медная стрелка.

На севере квадрата № 7 обнаружилось, что тут вымостка на 0,40 м от поверхности земли переходит в верхнюю поверхность стенки, которая обнаруживается дальше на 0,58 м от поверхности и тянется в Западно-Восточном направлении на смежный кв. № 6. Очевидно, она принадлежит к более древним временам и была уже вполне в земле, когда площадь эту начали покрывать вымосткою. Земля этого слоя отличалась желтоватой окраской и содержа-

Рис. 4. Фрагмент ионийского сосуда. № 1 – по описи «Случайных находок» Березанской археологической экспедиции 1927 г. Раскоп В⁸ / НА ОАМ НАНУ. инв. № 59234).

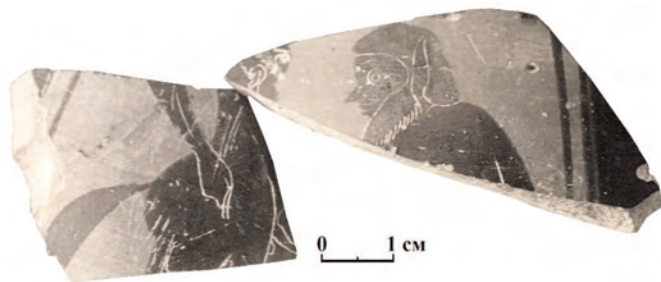

Рис. 5. Фрагмент чернофигурного сосуда. Подпись на обороте фотографии – Березань 1927 г.

мере правильных известняковых плит размером в 44×50 см при 22 см толщины и тянулась она на 4,27 м, где образовывала прямой угол с другою стеною, которая как будто тянулась в одном направлении до восточного угла квадрата № 14 на границе с квадратом № 13, где выявились камни, которые могли принадлежать стенке, а в другом направлении на квадрате № 6, где в северо-восточной его части удалось, хотя и не открыть еще, но все же нащупать ее продолжение после перерыва в непосредственном соседстве с углом, который, очевидно, представлял собою вход. В этот же угол упирался ногами костяк № 1 с «оградою», для сооружения которой использован был строительный материал из стенки (рис. 2, 6). Рядом с этой «гробницею» на север от нее в самом углу открытой стенки, в ней был вынут камень и устроена печь, плитные камни которой (толщиной 0,17 м) поставлены были кордон на ребро. В глубину имела 0,44 м, ширину 0,60 м.

На протяжении последних 0,92 м от ближайшего к «гробнице» угла кладка стены переходит в мелкий бут, который положен был плашмя.

Увязку этой главной из открытых нами в 1927 г. стен со стенами раскопа В⁸, открытыми при раскопках 1909 и 1913 гг., как и ее окончательную хронологическую датировку (ориентировочно намечались VI–V вв. до н.э.), пришлось за недостатком времени и рабочих возможностей отложить до дальнейшего продолжения раскопок, так как тут отвесная круча насыпи за продолжительный отрезок времени, протекший с 1913 до 1927 гг. успела в значительной мере осыпаться на площадь наших ста-

ла в себе обломки чернолаковой посуды и трехгранные медные стрелки, которых на квадрате № 12 найдено было целое депо (некоторые из них послыпались между собой), тут же найден был свинцовый сосуд, шириной округлой чашевидной формы и одна ольвийская рыбка с ушком.

Стенка сложена была из больших и в достаточной

Рис. 6. (№ 49 по описи фотоснимков) Березань 06.08.1927 г. «Гробница» на стыке кв. 6, 7 и 12 по извлечении из нее костяка № 1 и окончательной ее расчистки. Снята с востока на запад.

рых раскопок и до окончательной расчистки этой осыпи, как и углубления раскопанной в 1927 г. площади до материка, выводы в этом направлении могли бы оказаться поспешными. Опись находок (общая) дала 840 №№, кроме того случайных находок 12 №№ и органических остатков 70 номеров.

За короткое время раскопок произведено было 84 фотоснимка, каковые вместе с описью их превратились в фотодневник экспедиции.

Кроме раскопок экспедиция 1927 г. впервые объединила между собой в едином плане раскопок разные ранее разрозненные планы раскопок 1904–1913 гг. на главных участках А¹ и В⁸, причем сравнение очертания верхней линии обрыва к морскому берегу на наших планах Раскопа В⁸ 1909 и 1913 гг. с современными ее очертаниями (оказалось, что некоторые ямы, которые в эти годы еще были целыми, к 1927 г. оказались наполовину свалившимися в море), установила и нанесла на план *отступление за это время* в среднем за 14–18 лет на три метра. *Совершенно* такое же (на три метра) сокращение позднее (в 1946 г.) *было* установлено нами за 15 лет (в порядке осыпания и на раскопе 1-Г 1931 г. на границе раскопанной и не раскопанной площадей).

Это дает определенные нормы осыпания черноземных надлессовых и лёссовых верхних краёв обрывов к морю, но конечно сокращение всей площади острова, для которой решающими являются не моменты осыпания чернозема и лёсса наверху, а подрезание коренной породы острова (т.н. одесского известняка) в основании его льдами, приносимыми весною с Днепра и Буга и выполаскивание их волнами моря и течением, продолжающим ход речного течения Днепра, это сокращение берегов происходит гораздо медленнее и вероятно на разных участках береговой линии острова не с одинаковой быстротою.

В ходе работ при конце их были приняты две экскурсии на о-в: 1/5/VIII из Очакова красноармейцев и краснофлотцев, сфотографировавшаяся с проводившим экскурсию Начальником экспедиции у подножья сооруженной в 1917 г. на месте расстрела лейтенанта Шмидта четырёхугольной башни, называемой «мавзолеем Шмидта» и 2/6/VIII из Николаева экскурсия окружного съезда работников просвещения из Николаева ...

По возвращении экспедиции в Одессу, прибывший сюда заведующий тогда отделом Древностей Гос. Эрмитажа, проф. О.Ф. Вальдгауэр был приведен в восхищение образцами античной керамики, добытыми раскопками 1927 г., подтверждая вполне ту оценку Березани, как источника обогащения наших познаний по античной керамике, которую в свое время Э.Р. Штерн завершил свой «отчет» о последних его раскопках на Березани в 1913 г.

Литература

Кунина Н.З. 1968. Стекланные стаканы с греческими надписями в собрании Эрмитажа // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л.

Сорокина Н.П. 1962. Стекло из раскопок Пантикапея 1945–1959 гг. // МИА. № 103.

Штерн Э.Р. 1904. О пробных раскопках на острове Березани // ЗООИД. 1904. Том XXV. Протокол заседания ООИД № 345.

Harden D.B. 1944–45. Two tomb-groups of the first century A.D. from Yahmour. Syria, and a Supplement to the List of Romano-Syrian Glasses with Mould-blown Inscriptions // Syria. 1944–1945. Tome 24, f. 1–2.

Kisa A. 1908. Das Glas im Altertume. Bd. 1–3. Leipzig.

Stern E.R. 1995. Roman Mold-Blown Glass: The First Through Sixth Centuries. Toledo.

Табл. 1. Вверху (№ 4 по описи фотоснимков) Березань 02.08.1927 г. Начало работ после разбития на площади предстоящих раскопок на участки; Внизу (№ 52 по описи фотоснимков) Березань 06.08.1927 г. Общий вид раскопок с ю.-з.

Табл. 2. Вверху (№ 25 по описи фотоснимков) Березань 05.08.1927 г.
Общий вид раскопок с с. на ю.; Внизу (№ 53 по описи фотоснимков) Березань 06.08.1927 г.
Общий вид раскопок с ю.-з. Впереди в правом углу внизу 16 кв.

Табл. 3. Вверху (№ 5 по описи фотоснимков) Березань 03.08.1927 г. Костяк № 2 с с. на ю. (квадр. 12); Внизу (№ 9 по описи фотоснимков) Березань 03.08.1927 г. Костяк № 3 (крупно).

Табл. 4. Вверху (№ 12 по описи фотоснимков) Березань 03.08.1927 г. Костяк № 3. Крупно. Внизу на переднем плане обломок амфоры (не видно), вверху на заднем плане лошадиное ребро.; Внизу (№ 31 по описи фотоснимков) Березань 05.08.1927 г. Общий вид 12 кв. с севера на юг. Видна налево каменная кладка и костяк № 2.

Табл. 5. Вверху (№ 35 по описи фотоснимков) Березань 05.08.1927 г. Квадраты 7 и 1, снятые с кв. 12. На переднем плане влево костяк № 3. Далее каменный намест кв-ов 1, 2 и 3, находящий такое же продолжение в остатках каменного наместа из раскопок 1913 г. (камень, торчащий над зарослями сорных трав чуть вправо от средней разделяющей линии общего плана). Средний план снимка – заросли сорных трав, на месте раскопок 1913 и (у правого края снимка) 1909 г. Далее виднеется дорога к проливу для рельсов с вагонетками, прорезанная военно-инженерным ведомством в 1912 г. на месте старых раскопок экскурсии В.В. Латышева в 1902 г и еще далее – нетронутая раскопками часть северного берега острова. На заднем плане в тумане за проливом виднеется аджигеевский берег, заканчивающийся в левой части снимка мысом того же названия.; Внизу (№ 54 по описи фотоснимков) Березань 06.08.1927 г. Кв. 6 и 12. Череп № 5 и печь.

Табл. 6. Вверху (№ 67 по описи фотоснимков) Березань 07.08.1927 г. Печь и гробница.;
Внизу (№ 66 по описи фотоснимков) Березань 07.08.1927 г. Общий вид стены, проходящей
2 половину раскопок 6 кв. в южном углу – с с-з на ю-в.

Табл. 7. Вверху (№ 61 по описи фотоснимков) Березань 06.08.1927 г. Стена на кв. 6.;
Внизу (№ 62 по описи фотоснимков) Березань 07.08.1927 г. Угол стены (с облицовкой
кордою на ребро; сама стена из бута) на кв. 6.

Табл. 8. Вверху (№ 30 по описи фотоснимков) Березань 05.08.1927 г. Работа художника: зарисовка костяка № 1 после его расчистки (кв-ты 6, 7, 12).; Внизу (№ 44 по описи фотоснимков) Березань 06.08.1927 г. Ночлег экспедиции. Снято в 4 часа утра. Слева палатка с имуществом экспедиции, за ней две койки, из коих на одной спит Н.С. Аврамов, а другая фотографа Н.П. Топчего, производившего снимок, уже пуста. Далее орудия производства раскопок: лопаты, кирки, грохоты для просева земли и носилки для удаления просеянной земли с поля раскопок (за отсутствием в распоряжении экспедиции вагонеток, так как имевшиеся на острове две были заняты своей работой). Перед инструментами полулежит М.Ф. Болтенко на своей койке в ожидании без четверти 5, чтобы ударом лопаты о лопату – своеобразный гонг или гудок экспедиции – поднять на ноги всех работающих. Перед ним закутанный в белое спит Э.Г. Оксман – виден только оголенный затылок его головы и на переднем плане закутанный в пестрое одеяло П.К. Коваль.

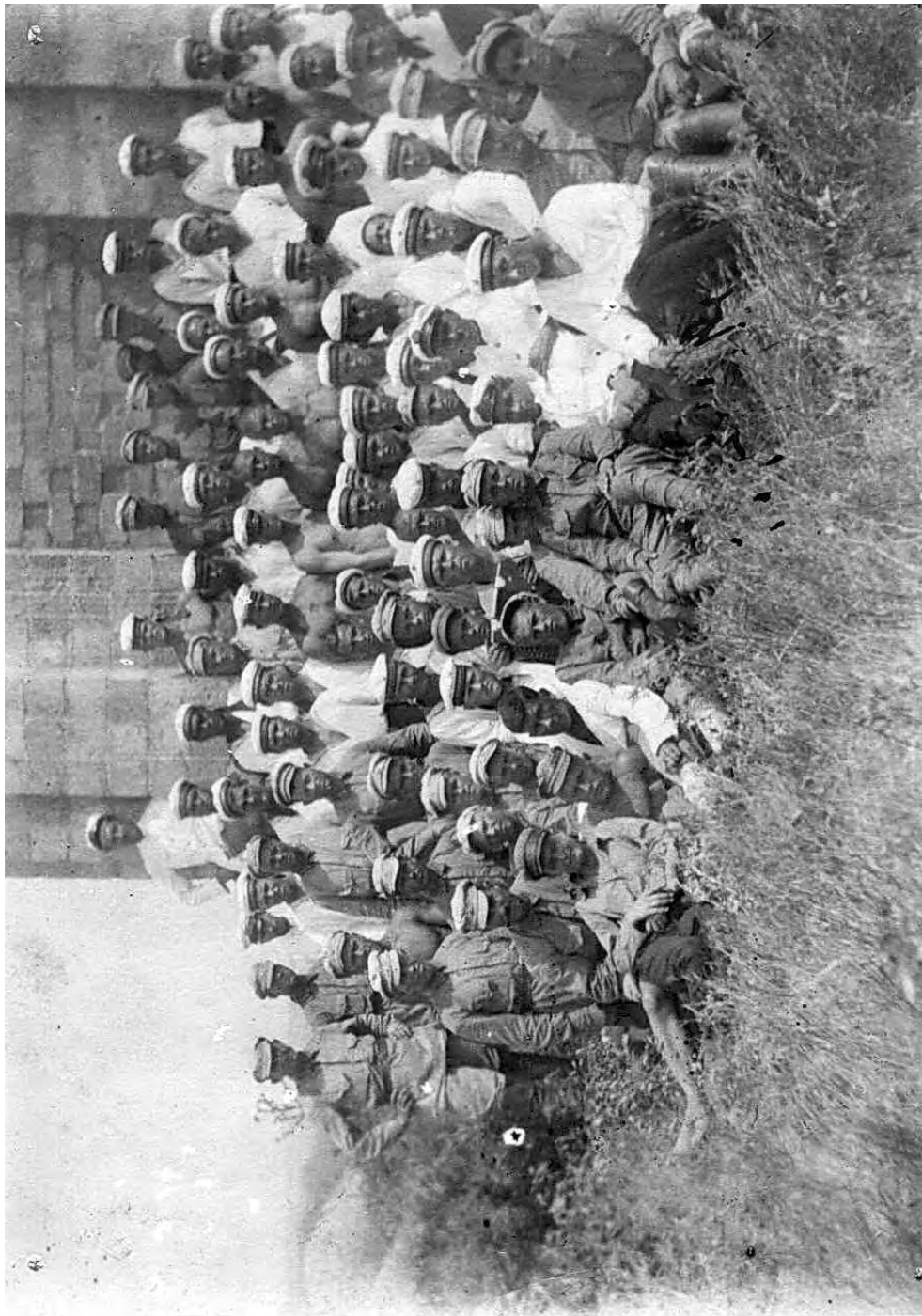

Табл. 10. (№ 56 по описи фотоснимков) Березань 06.08.1927 г.
Экскурсия красноармейцев и краснофлотцев у мавзолея Шмидта.